

Письмо Екатерины II Д'Аламберу (1765 г.)

СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ЧЕРНОВОЕ ПИСЬМО ЕКАТЕРИНЫ II К Д'АЛАМБЕРУ¹ С ПОХВАЛАМИ СОЧИНЕНИЯМ МОНТЕСКЬЕ И УВЕРЕНИЕМ, ЧТО СОЧИНЕНИЯ Д'АЛАМБЕРА ПОСЛУЖАТ НА БЛАГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ*

J'ai été très édifiée de la saine raison qui règne dans le livre intitulé: Sur la destruction des jésuites en France. Veuille le ciel

* При этом и следующих черновых письмах к д'Аламберу выставлены в начале годы постороннею рукою. Вот письмо д'Аламбера, на которое отвечала Императрица:

Madame! Quoique des raisons particulières ne me permettent pas d'avouer cet ouvrage, je ne crois pas devoir cacher à Votre Majesté Impériale que j'en suis l'auteur, et je la supplie très humblement de vouloir bien recevoir l'hommage que je prends la liberté de lui en faire. Je desire que ses grandes et respectables occupations puissent lui permettre de donner quelques momens à cette lecture, et j'implore en même temps son indulgence et ses lumières sur cette nouvelle production de ma plume. J'espère dans le courant de cette année avoir des ouvrages plus importans à lui offrir, si ma santé me permet d'y mettre la dernière main.

Je suis avec le plus profond respect, Madame, de votre Majesté Impériale le très humble et très obéissant serviteur

D'Alembert.

à Paris, ce 15 avril 1765.

Т. е.: Всемилостивейшая государыня. Хотя особенные причины не позволяют мне признать себя сочинителем настоящего произведения, однако я не считаю себя обязанным скрывать этого от Вашего Императорского

qu'elle gagne cette raison partout le dessus. Il est étonnant que depuis que le monde existe il n'y ait qu'elle qui la plupart du temps a le dessus. La maxime de la page 121 aurait cependant du servir sur cette matière de règle et en tout lieu comme la plus simple et la plus naturelle à suivre. Malgré l'esprit et les finesses qu'on attribue à l'ordre des jésuites, il me semble que la plus lourde faute qu'ils ont faite et qu'aucun institut peut commettre, c'est de ne pas s'établir sur des principes qu'aucune raison ne puisse renverser, car on a beau dire, le vrai ne peut se détruire, mais les illusions se détruisent. Toutes les disputes qui en dérivent deviennent absurdes; tout ce qui a jamais fait déraisonner le monde entier, c'est que ceux qui l'auraient pu instruire, ne l'on pas fait par différents motifs. C'est à vous, Monsieur, plus qu'à tout autre à prêter l'appui de votre génie à la raison pour l'aider à percer les ténèbres qui l'empêchent de faire les progrès qui lui sont dus. Je me souviens toujours du catéchisme que vous craignez d'achever. Hélas, Monsieur, si vous craignez les persécutions imbecilles des fanatiques, au moins confiez m'en une copie, je vous donne ma parole que jamais on ne saura que je l'ai de vous. Mais aussi en ferai-je usage pour la raison avec toute la prudence civile et politique dont je serai capable. La confiance que vous me marquez dans votre lettre du quinze d'avril, m'autorise à vous faire cette demande, mes occupations quelconques ne m'empêcheront jamais de lire avec le plus grand plaisir vos lettres et vos écrits. J'ai lu ce dernier au milieu d'une compagnie bruyante de 33 000 hommes avec lesquels je campe depuis cinq jours. Cela n'est guère intéressant pour vous, aussi je ne le vous mande que comme un témoignage, que j'ai toujours du temps pour recevoir les lumières que vous voudrez bien me donner. J'attends celle que vous me promettez avec la dernière impatience. Il y a longtemps que je m'étais proposée de vous écrire vous devant en quelque façon une réponse. Je voulais y joindre certain cahier, mais il a fallu du temps pour le rendre raisonnable et encore n'est il pas achevé. Si vous l'approuvez,

Величества и всепокорнейше прошу соблаговолить принять книгу как выражение почтения, которое принимаю смелость вам изъяснить. Желая, чтобы ваши великие и почтенные занятия дозволили уделить вам несколько минут на это чтение. Вместе с тем умоляю о снисхождении и сообщении ваших мнений об этом новом произведении моего пера. Надеюсь в течение этого года представить вам труды более важные, если только мое здоровье позволит мне окончить их. Остаюсь и пр.
Париж, 15 апреля 1765.

j'en serai contente. Vous y verrez comme pour l'utilité de mon empire j'ai pillé le président de Montesquieu sans le nommer: j'espère que si de l'autre monde il me voit travailler, il me pardonnera ce plagiat pour le bien de vingt millions d'hommes qui en doit résulter. Il aimait trop l'humanité pour s'en formaliser, son livre est mon bréviaire. Voilà, Monsieur, un exemple du destin qu'ont les livres des hommes de génie, ils servent au bien être du genre humain; voilà le sort des vôtres. Je vous parle peut être comme un inspiré, même comme un prophète, mais mon fanatisme haït la persécution, et il s'entousiasme pour les ouvrages ou le génie guide la raison.

Перевод:

Мне был очень наставителен здравый разум, царствующий в книге под заглавием: «Об уничтожении иезуитов во Франции»². Да соблаговолит небо, чтобы этот разум повсюду одерживал верх. Удивительно, что с тех пор, как существует мир, только разум по большей части в унижении. Начало, изложенное на стр. 121, конечно должно было бы служить правилом об этом предмете, во всяком случае простейшем и наиболее естественном. Несмотря на ум и тонкости, приписываемые иезуитскому ордену, мне кажется, что самая грубая ошибка, ими сделанная, и какую только может учинить какое бы то ни было учреждение, это не основаться на началах, которых бы не могли опровергнуть никакие умствования, ибо, чтобы ни говорили, истина не в состоянии уничтожиться; но обольщения исчезают. Все происходящие от того споры становятся нелепыми. Все, что заставляло когда-либо безразсудствовать целый свет, происходило от того, что те, которые бы могли его научить, не делали этого по различным побуждениям. Вам, государь мой, более, чем всякому другому, следует поддержать вашим гением разум, чтобы помочь ему проникнуть во мрак, мешающий делать успехи, которые приличествуют ему. Я всегда вспоминаю о катехизисе, который вы опасаетесь окончить. Ах, государь мой, если вы опасаетесь безумных преследований фанатиков, то по крайней мере доверьте мне список с катехизиса. Даю вам слово, что никогда не узнают, что я получила это от вас. Но в тоже время я бы сделала из него употребление па пользу разума со всем гражданским и политическим благоразумием, на которое я способна. Доверенность, выражаемая вами ко мне в письме вашем от 15 апреля, дает мне право обратиться к вам

с такую просьбою. Какие бы ни были мои занятия, они не мешают иногда мне читать с величайшим удовольствием ваши письма и ваши сочинения. Последнее из них я читала среди шумного общества тридцати трех тысяч людей, с которыми я живу пятый день в лагере. Это нисколько не занимательно для вас, и потому я только сообщаю о том вам, как доказательство, что у меня всегда есть время для усвоения знаний, которые вам будет угодно сообщать мне. Обещанное вами в последнем письме ожидаю с великим нетерпением. Давно уже я собиралась писать к вам, так как в некотором роде состояла, должною вам ответом, и хотела присовокупить к тому некоторую тетрадь, но требуется время, чтобы сделать ее разумною; притом же она еще не окончена. Если вы ее одобрите, то я тем останусь довольна. Вы из нее увидите, как там я на пользу моей империи обобрала президента Монтескьё³, не называя его. Надеюсь, что если бы он с того света увидал меня работающей, то простил бы эту литературную кражу во благо двадцати миллионов людей, которое из того последует. Он слишком любил человечество, чтобы обидеться тем; его книга служит для меня молитвенником. Вот, государь мой, образчик судьбы, которой подвергаются книги гениальных людей: они служат для благосостояния человеческого рода. Такова судьба и ваших. Быть может я говорю вам, как вдохновенный, даже как пророк; но мой фанатизм ненавидит преследование и приходит в восторг от произведений, в которых гений руководит разумом.

V. МОНТЕСКЬЕ И ЕКАТЕРИНА II

Екатерина II

Письмо Екатерины II Д'Аламберу 1765 г.

Печатается по: Письмо Екатерины II Д'Аламберу от 1765 г. // Сборник русского исторического общества. СПб, 1872. — Т. 10. — С. 29–31.

¹ *Жан Лерон Д'Аламбер (Даламбер) (1717–1783)* — французский учёный-энциклопедист, философ, математик и механик. Член Парижской академии наук (1740), Французской Академии (1754), Лондонского королевского общества (1748), Петербургской академии наук (1764) и других академий. Д'Аламбер вёл активную переписку с российской императрицей Екатериной II. В середине 1760-х годов Д'Аламбер был приглашен ею в Россию в качестве воспитателя наследника престола, однако приглашения не принял. См.: Избранная переписка Даламбера и Екатерины II // Исторический вестник. — 1884. — № 4..

² *Sur la destruction des Jésuites en France, par un auteur désintéressé [J. Le R. d'Alembert].* Edinbourg, 1765 - 8 pages. Произведение вышло анонимно.

³ В «Наказе», первоначально состоявшем из 506 статей, были сформулированы основные принципы политики и правовой системы. Значительная часть текста (ок. 350 статей) заимствована из трактатов Шарля Монтескье «О духе законов» и Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях». Остальные статьи являются компиляцией публикаций Дени Дидро и Жана Д'Аламбера из знаменитой «Энциклопедии»

Александр Николаевич Пыпин (1833–1904)

Русский филолог, историк, этнограф. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1860-х гг. преподавал на только что учрежденной кафедре всеобщей истории литературы (ныне кафедра истории зарубежных литератур), где читал курс средневековой французской и провансальской литератур. Сотрудничал с журналом «Современник», затем — с журналом «Вестник Европы» М. М. Стасюлевича. Ему принадлежат фундаментальные труды по истории литературы («История славянских литератур», «История русской литературы»), истории общественных движений в России XIX в. («Общественное движение в России при Александре I»), истории масонства («Русское масонство: XVIII и первая четверть XIX в.») и др. С 1898 г. — академик Академии наук по отделению русского языка и словесности.